

ПАРАДОКСЫ РАЗВИТИЯ АРАБСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В.А. Кузнецов

Институт востоковедения РАН

Статья посвящена проблемам развития политических систем арабских государств. Опираясь на теорию социальных порядков Д. Норта, Дж. Уоллиса, Б. Вайнгаста, автор рассматривает все арабские страны как порядки ограниченного доступа (ПОД), развитые или хрупкие. Подобный подход позволяет отследить логику политического развития хрупких (fragile) и несостоявшихся (failed) государств, равно как и логику выстраивания политических отношений в квазигосударственных образованиях, снимая вопрос о государственности как таковой. Вместе с тем теории Д. Норта оказывается недостаточно для анализа многообразной политической реальности, с которой мы сталкиваемся на Ближнем Востоке. Обращаясь к ней, автор выделяет три трансформационных модели – левантийско-иракскую, североафриканскую и аравийско-ливийскую. Каждая из них не только устроена по-своему в социально-политическом плане, но и развивается сообразно собственным закономерностям на протяжении нескольких последних десятилетий. В 2010-2011 гг. государства всех моделей столкнулись со схожим и хорошо известным набором угроз и вызовов. И хотя ответы на них были предопределены принадлежностью конкретной системы к той или иной трансформационной модели, результатом стало появление общих для всего региона драйверов будущих перемен. Первый из них – это страх перед будущим, который определяет политическое поведение и масс, и элит. При всей сложности концептуализации феномена, само его наличие в ближневосточных обществах, несомненно. Другой драйвер – это разнообразные экономические кризисы, с которыми столкнулось большинство государств региона. Трансформации, происходящие под воздействием этих драйверов, на первый взгляд схожи между собой. Повсюду в регионе формально расширяется применение демократических процедур, всё большую роль играют электоральные процессы, расширяется сеть организаций гражданского общества.

Парадоксально при этом то, что на практике все эти тренды развития могут вести к совершенно противоположным социально-политическим последствиям, где-то оказываясь провозвестниками модернизации, а где-то, напротив, оборачиваясь архаизацией систем – в зависимости от того, к какой модели они относятся. При этом процессы архаизации и модернизации находятся в сложной связи с процессами укрепления/ослабления ПОД: если тактически большинство сознательно предпринимаемых элитами действий направлено на укрепление ПОД, то в долгосрочной перспективе они же могут вести к повышению рисков и ослаблению политических систем.

Ключевые слова: политические системы арабских государств, электоральные процессы на Ближнем Востоке, демократизация на Ближнем Востоке, негосударственные акторы, модерн и архаика на Ближнем Востоке

УДК 321.022

Поступила в редакцию 15.08.2018 г.

Принята к публикации 16.10.2018 г.

Настоящая статья посвящена парадоксам развития политических систем арабских государств. Её цель заключается в выявлении способов их реакции на ключевые драйверы трансформаций. Можно ли говорить сегодня об Арабском мире как о чём-то едином, как о некоем множестве, развитие каждого из элементов которого, хотя и обладает собственными отличительными чертами, но всё же осуществляется в общем русле, в рамках которого все элементы дают схожие ответы на поступающие вызовы и угрозы – основной вопрос, который нас будет интересовать.

Первоначальная гипотеза при этом состоит в следующем: несмотря на близость путей социально-политического развития арабских государств, формальную схожесть политических режимов и институциональной организации, сегодня усиливается дифференциация политических систем, в результате которой одни и те же трансформационные драйверы могут вызывать совершенно различные, вплоть до противоположенных, изменения политической жизни, а одни и те же нормы, правила и институты на практике начинают выполнять далеко не одинаковые функции.

Методологически предлагаемый анализ основывается на теории социального порядка Д. Норта [15], широко применяемой в современной политологии в целом, но значительно реже используемой при анализе политических процессов на Ближнем Востоке. Скорее исключениями можно считать посвящённую сирийскому конфликту монографию А. Багско и Ж. Дорронсоро [21] или политэкономический анализ ближневосточных процессов М. Каметт [26]. В целом же для ближневосточных исследований по-прежнему остаётся характерным превалирование конкретного эмпирического материала, анализ лишь изредка выходит на уровень теоретического осмысления.

Начав с рассмотрения проблемы типологизации арабских политических систем, мы затем выделим основные драйверы и тренды текущих изменений и, сфокусировавшись на двух из них, посмотрим, какой эффект они вызывают в каждой из моделей.

Типологизация арабских политических систем

Несмотря на то, что на протяжении последних семи лет региональные трансформационные процессы остаются в центре исследовательского интереса, авторы большинства посвящённых им публикаций концентрируются на анализе политических процессов и режимов¹ (среди них: [3], [8], [23]), в то время как изменения политических систем остаются зачастую за пределами их внимания (из отечественных исключения составляют, например, некоторые работы М.А. Сапроновой [18]).

¹ Саудовская Аравия намерена прийти к умеренному исламу. 24.10.2017. [Электронный ресурс] URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4673362/>. (Дата обращения: 14.10.2018).

Бесконечная дискуссия о сущности политических систем сегодня может быть сведена к трём основным подходам. Согласно одному, речь идёт о формальных правовых институтах, составляющих государство [18]. Согласно другому, – как о существующих в реальности, так и о юридически предписываемых формах политического поведения, определяющих не только правовую организацию государственного аппарата, но и реальные механизмы его функционирования [19]. Наконец, согласно третьему подходу, политическая система рассматривается как подсистема общей социальной системы, взаимодействующая с другими, например, с экономической [25]. Учитывая ключевую роль неформализованных связей и отношений в ближневосточной политической реальности, дальнейшие рассуждения будут основываться на сочетании первого и второго подходов.

Проблема, с которой сталкивается каждый пытающийся рассуждать о путях развития политических систем, состоит в неизбежной спорности любой существующей типологизации, с одной стороны, и неочевидности маркеров политических трансформаций, с другой.

В отношении последнего некоторая ясность может быть внесена с помощью теории социального порядка Д. Норта [15].

Согласно этой теории, все арабские государства могут рассматриваться как *естественные*, или как «порядки ограниченного доступа» (ПОД), при которых политическая власть может быть получена исключительно группами, контролирующими насилие [15, с. 56-69]. Стремясь минимизировать издержки, эти группы договариваются между собой о разделении ренты, одновременно гарантируя друг другу внутреннюю консолидацию и участие во власти. В такой логике уровень развития ПОД определяется инклюзивностью господствующих коалиций, устойчивостью гарантий, предоставляемых друг другу, степенью контроля над насилием, прозрачностью и стабильностью «правил игры», со временем претворяющихся в верховенство закона [15, с. 54, 100-104, 256-266]. В ряде случаев подобное развитие приводит системы к переходу от *естественных* государств к «порядкам свободного доступа» (ПСД), в которых политические элиты оказываются не заинтересованы в ограничении доступа к ренте для других групп.

В XX в. развитие ПОД на Ближнем Востоке не раз прерывалось, и за короткий период государства откатывались назад – от развитого ПОД к хрупкому ПОД, вплоть до полного разрушения государственности. Примерами служат Ливан после начала гражданской войны в 1975 г., Ирак в период правления А. Касема (1958-1963 гг.), Алжир в период «чёрного десятилетия» 1990-х гг. Во всех трёх случаях происходило резкое разрушение политической системы, реформатирование политического поля, оборачивавшееся массовыми жертвами и годами нестабильности.

В отличие от большинства развивающихся государств арабские страны в конце XX в. избежали демократического транзита, не попав в «третью волну» демократизации по С. Хантингтону и, разумеется, не сумев перейти от есте-

ственного государства к ПСД. Последнее, впрочем, в мире вообще мало, кому удавалось². Устойчивость авторитаризма стала основой для формирования концепции «арабского эксепционализма», преодоление которого, равно как и выявление его истоков, оказалось едва ли не основным сюжетом современной арабской общественно-политической мысли [19, p. 327-351].

Пессимистические оценки, однако, могут быть поставлены под сомнение.

В 1990-е гг. в десятке государств была введена многопартийность (Мавритания, Алжир, Тунис, Йемен и др.). В Марокко, Египте и Иордании в то же время участие партий во власти было расширено, в Ливане и Кувейте был восстановлен ранее прерванный электоральный процесс. В Омане, ОАЭ, Катаре, Бахрейне, Саудовской Аравии были созданы так называемые Консультативные советы (*Маджалис аш-шура*) – прообразы парламентов. Полномочия этих советов постепенно расширялись, хотя, разумеется, никогда и не ограничивали возможностей исполнительной власти.

В 2000-е гг., хотя и в специфических обстоятельствах, произошло расширение политического пространства в Палестине и Ираке. Получение ХАМАС политического представительства в ходе выборов 2006 г. привело к вооружённому противостоянию этого движения с силами Фатх, а американская интервенция в Ирак и свержение режима Саддама Хусейна дали толчок крупномасштабному вооружённому конфликту, едва не приведшему к полному развалу страны. В обоих случаях политическое насилие было элементом расширения политического участия и сопровождалось усложнением политической системы и повышением ее инклюзивности³.

В 2000-е гг. Ливан, а в 2010-е гг. Тунис перешли к вполне демократическому правлению, в других странах продолжилась гибридизация режимов. Всё это даёт основания согласиться с египетским исследователем И. Хариком, ещё до всякого арабского пробуждения заметившего, что «арабский мир, хотя и медленно и неохотно, но всё же присоединяется к процессу “глобальной демократизации”» [20, с. 340]. В логике Д. Норты это означает расширение инклюзивности власти и инкорпорацию в господствующие коалиции новых групп, что в перспективе ведёт к укреплению естественного государства, хотя и вовсе не обязательно становится предпосылкой для перехода к ПСД. Более того, укрепление ПОД на практике может препятствовать переходу к качественно иному порядку. Снижение социальной напряжённости в результате совершенствова-

² Существует определённая традиция противопоставления транзитологии С. Хантингтона и универсализма Ф. Фукуямы историческому пессимизму Д. Норты, настаивающему на невозможности изменения системы без глубокой трансформации структуры социальных отношений. На практике три теории вполне могут дополнять друг друга.

³ В случае с Ираком этот тезис не столь очевиден. Действительно, дебаасизация и исключение из политического процесса суннитских элит эпохи С. Хусейна стали в дальнейшем важными факторами радикализации суннитского населения и укрепления ИГИЛ. Однако с конца 2000-х гг. в стране предпринимались попытки (и небезуспешные) включения суннитских племён в политический процесс. Насилие в иракском случае было результатом резкого формального усложнения политической системы, реального появления множества новых игроков с неизвестным военно-политическим потенциалом.

ния системы перераспределения ренты лишает участников властных отношений мотивации к изменению порядка.

Если рассматривать развитие политических систем современных арабских государств в длительной ретроспективе, то можно выделить несколько трансформационных моделей. В первой из них трансформация происходит в три этапа.

Первый – обретение независимости большинством стран региона в середине XX в. и формирование современных политических систем. Второй – обновление элит в 1970-е гг. и формирование доминантно партийных систем⁴. Третий – расширение политического участия в 2010-е гг. в ходе процессов арабского пробуждения.

Наиболее отчётливо такая линейная схема проявилась в Египте и Тунисе – странах, уже имевших довольно развитые политические институты к моменту обретения независимости⁵, обладавших собственным опытом государственности и модернизации, в общественной мысли которых на протяжении нескольких десятилетий проблема национальной идентичности оставалась одной из центральных.

Алжир в своём развитии миновал второй этап, попытавшись в начале 1990-х гг. перепрыгнуть от жёсткого авторитаризма к инклюзивной многопартийности, что обернулось «чёрным десятилетием» 1990-х. [6; 23; 24], после чего в стране всё же был установлен гибридный политический режим⁶ с относительно высокой степенью участия.

В Марокко стадии трансформации не просматриваются чётко в силу сохранения в стране алауитских основ власти и после обретения независимости. Сакрализация монаршей персоны и высокий авторитет королевского дома позволяли и Хасану II, и сменившему его Мухаммеду VI продолжать традиционную линию на вовлечение в политический процесс оппозиционных групп при

⁴ Практически образцовые для региона доминантно партийные системы были созданы в 1970-80-е гг. в Египте и Тунисе, однако сущностно они довольно сильно различались между собой. В Тунисе речь шла о сохранении власти у той же партии, что привела страну к независимости и сыграла ключевую роль в выстраивании всей современной государственности. Это была доминантно-партийная система по М. Дюверже: «Доминирующая партия – это партия, которая отождествляется с какой-то определённой эпохой; её доктрина, её идеи, её методы, в известном смысле сам её стиль совпадают с соответствующими характеристиками эпохи» [7, с. 365-366]. В то же время в Египте Национально-демократическая партия, созданная А. Садатом в 1978 г., из единой политической организации Арабского социалистического союза изначально была лишь партией бюрократии, своеобразной производной государственного аппарата. Она скорее похожа на гегемонистскую партию Дж. Сартори, чем на доминантную М. Дюверже [31, р. 197-2011].

⁵ Первая конституция в арабском мире была принята в Тунисе в 1861 г., политические партии появились после Первой мировой войны, первые профсоюзы были созданы в 1920-е гг., приведший страну к независимости «Новый Дустур» появился в 1934 г. и к моменту обретения независимости страной существовал уже 22 года. Первая египетская партия аль-Ватан была создана в 1895 г., движение Братьев-мусульман – в 1928 г. К концу 1930-х гг., когда была создана Всеобщая федерация профсоюзов Королевства Египет, в нее входило 32 профсоюзные организации [25, р. 232-233].

⁶ Это не бесспорное, но возможное определение. Алжирский политический режим разными авторами характеризуется как псевдодемократический, авторитарный, режим нелиберальной демократии и режим-рантье. Первому определению недостаёт нейтральности, второе не позволяет увидеть отличия нынешнего режима от предыдущих, третье игнорирует существующую свободу слова и парламентаризм, четвертое не описывает институциональную специфику.

одновременном их дроблении и сталкивании между собой [16, с. 53-56; 12, с. 376-401]. Тем не менее, как показывают реформы 2010-х гг., постепенное изменение социальной ситуации, повышение уровня образования и модернизация населения заставляют всё же систему меняться. С одной стороны, произошло расширение функций парламента и правительства, с другой же – махзену пришлось создать верхнюю палату парламента, комплектующуюся посредством непрямых выборов и, как это часто бывает, выполняющую тормозящую функцию [18, с. 186]. Таким образом, сценарий трансформации начинает напоминать республиканские варианты (например, египетский).

В Машрике развитие политических систем протекало несколько иначе.

В Иордании расширение групп участия произошло в самом конце 1980-х начале 1990-х гг., однако в 2000-е гг. и особенно в 2010-е гг. доступ к ренте вновь был ограничен. Как до периода демократизации, так и в XXI в. отсутствие реформ или их ограниченность всегда объяснялось наличием внешних угроз (израильской, сирийской, джихадистской) [23; 27] и необходимостью сохранить островок стабильности в бушующем море Ближнего Востока. Одновременно с этим стабильность обеспечивалась взаимным недоверием палестинской и восточно-иорданской частей иорданского общества, антагонизм которых позволял снизить угрозу действующей власти.

Политическая жизнь Сирии отличалась чрезвычайной нестабильностью вплоть до установления режима Х. Асада, сформировавшего в результате прочный треугольник влияния алавитской общины, армии и высшей бюрократии [1, с. 313]. Включение в систему суннитских групп влияния, как через их участие в бизнесе, так и через их инкорпорирование в политическую элиту⁷, а также ограниченное участие во власти представителей основных меньшинств позволили усилить стабильность системы, хотя свою роль в её поддержании играла и непреодолимая внешняя угроза.

Жёсткий авторитаризм, характерный для иракской политической жизни на протяжении всего её развития в XX в., закончился обвальная демократизацией 2000-х гг., обернувшейся нескончаемым насилием.

В общем-то ни в иракском, ни в сирийском случаях говорить о расширении политического участия вплоть до XXI в. не приходится. В обоих случаях оно происходило при большой роли внешних сил (хотя и разной), в обоих случаях политические институты оказались для этого расширения не приспособлены. В результате в Ираке произошло разрушение системы и продолжается формирование новой устойчивой правящей коалиции, в Сирии же государственность была серьёзно ослаблена и, по всей видимости, её архитектура будет так или иначе изменена, хотя бы в силу глубоких общественных изменений, произошедших в стране за годы конфликта.

В Ливане характер ПОД на протяжении всего развития страны определялся прямым соотношением элитных групп с этно-конфессиональными общинами.

⁷ Ш. Бар описывает построенный Асадами режим как «конфессиональный коалиционизм» [23, р. 357].

Наконец, в монархиях Залива общий тренд к расширению участия может быть заметен в Бахрейне и Кувейте [11] и в гораздо меньшей степени в других странах региона.

Таким образом, при дальнейшем анализе можно ориентироваться на наличие в регионе трёх основных моделей развития ПОД:

Североафриканской, условно линейной (Египет, Тунис, отчасти Алжир);

Левантийско-иракской, предполагающей формирование господствующей коалиции на основе этно-конфессиональных групп и оборачивающейся либо жёстким эксклюзивистским режимом, либо выстраиванием хрупких и неизменно слабых балансов сил (Ирак, Сирия, Ливан, отчасти Йемен);

Аравийско-ливийской, поддерживающей стабильность межплеменных балансов за счёт сверхприбылей от продажи углеводородов (монархии Аравийского полуострова и Ливия).

Помимо них может быть выделено ещё две переходных, или симбиотических модели. Первая из них сочетает в себе черты североафриканской и аравийско-ливийской – к ней относятся Марокко и Иордания. Вторая же сочетает в себе черты аравийско-ливийской и левантийско-иракской моделей. К ней относятся Бахрейн и Кувейт.

Не только трансформационные траектории, но и сам характер ответов, которые даёт та или иная система на внутренние и внешние вызовы, равно как и степень её резистентности, могут быть критериями типологизации. Авторы опубликованного в начале 2012 г. доклада РСМД «Россия и Большой Ближний Восток» выделяли четыре сценария развития Арабского пробуждения: реформистский (монархии и Алжир), революционный (Тунис и Египет), конфликтный (Сирия, Ливия, Йемен) и нейтральный (Ливан и Ирак).

В последующие годы большинство государств первой группы попыталось минимизировать предпринятые на заре 2010-х гг. реформы. В Египте произошла, в сущности, контрреволюция, а Ирак перекочевал из государств, не затронутых Арабским пробуждением в группу стран, охваченных внутренними вооружёнными конфликтами. Ливан же, хотя и сохранил status quo непреходящего политического кризиса, находится под постоянной угрозой эскалации насилия. Последняя не реализуется отчасти в силу демонстрационного эффекта Сирии, отчасти по причине вовлечённости сил «Хизбаллы» в сирийские дела, отчасти же из-за усталости общества от собственной гражданской войны. Усталость от насилия, по всей видимости, удерживала также алжирцев и иракцев от ожесточённой протестности в 2010-2011 гг. Другая причина состояла в том, что в результате предыдущих конфликтов эти общества уже добились относительной демократизации политического пространства.

В целом, будет справедливым заключить, что конфликтный сценарий наиболее характерен для государств левантийско-иракской модели, реформистский – для всех монархий (аравийская модель, Марокко, Иордания), революционный – для зрелых республик (Тунис и Египет).

Таблица 1. Типология трансформации арабских политических систем
Table 1. Typology of Arab Political Systems Transformations

Модели Models	Реформистская Reformist	Революционная Revolutionary	Конфликтная Conflict	Нейтральная Neutral
Североафриканская North Africa	Алжир	Тунис (Tunisia), Египет (Egypt)		
<i>Симбиотическая: североафриканская/ арабско-ливийская</i> <i>Symbiotic: North Africa / Gulf – Libya</i>	Иордания (Jordan), Марокко (Maroc)			
Аравийско-ливийская Gulf	КСА (Saudi Arabia)		Ливия (Libya)	
<i>Симбиотическая: арабско-ливийская / левантийско-иракская</i> <i>Symbiotic: Gulf – Libya / Levant-Iraq</i>	Кувейт (Kuwait) Бахрейн (Bahrain)			
Левантийско-иракская Levant-Iraq			Йемен (Yemen), Сирия (Syria), Ирак (Iraq)*	Ирак (Iraq), Ливан (Lebanon)

Источник: составлено автором.

Драйверы перемен

Анализируя тренды развития арабских политических систем в 2010-е гг., имеет смысл выделить ключевые драйверы перемен. Если оставить за скобками общеизвестные факторы, определявшие ситуацию в регионе и в более ранний период (демографическая ситуация, дефицит ресурсов, коррупция, безработица и т.п.) и сосредоточиться только на новых явлениях, отчётливо проявившихся после 2011 г., то заслуживают упоминания два из них. Первый из – это страх.

Помимо насчитывающих не одно десятилетие Палестино-израильского и изрядно подзабытого Западносахарского конфликтов в 2010-е гг. в регионе вспыхнули вооружённые конфликты в Ливии, Сирии, Ираке и Йемене. Сообщения о терактах стали постоянным элементом всей ближневосточной новостной ленты. Это дало основание многим аналитикам вполне справедливо говорить о разрушении так называемой «системы Сайкса-Пико» [13, с. 53]. Однако наиболее смелые из них прогнозировали и дальнейшее переустройство карты всего региона.

Стоит, однако, быть реалистами. Вопреки апокалипсическим прогнозам ни одно государство, вовлечённое в конфликт, не прекратило существования и не распалось [8, с. 108]. Несмотря на тенденции к дезинтеграции, неспособность осуществлять свои полномочия на всей территории соответствующих стран и на сокращение функциональных возможностей центральной власти, политические режимы Сирии и Ирака, равно как и социально-политические системы Йемена и отчасти Ливии продемонстрировали относительную устойчивость.

Устойчивость правительства Б. Асада в Сирии лишь отчасти объясняется оказанной ему из-за рубежа помощью. Даже до начала операции российских ВКС Дамаск обеспечивал работу основных органов управления в подконтрольных ему районах, а позже восстанавливал своё полное присутствие на отвоёванных у оппозиции территориях. В Ираке правительство не контролировало суннитские территории в центре страны, однако вполне действовало в южных регионах. Что же касается курдского севера, то его широкая автономия, доходящая почти до независимости, гарантировалась конституцией – легитимные курдские власти при всех их разногласиях с между собой и с Багдадом, смогли всё же продемонстрировать способность к госуправлению.

С упомянутыми Йеменом и Ливией дело обстоит сложнее. Политические режимы в этих двух странах, по сути, прекратили своё существование, однако гетерогенные системы политической власти никуда не исчезли. Они архаизировались и стали всё более опираться на традиционные элементы – племена и роды, территориальные и этно-конфессиональные общности. Эти элементы стали основными агентами безопасности и распределения социально-экономических благ⁸. Именно на них оказались вынуждены опираться правительство хуситов в Йемене и правительство Национального согласия (ПНС) в Ливии. Косвенным следствием стала ограниченность масштабов насилия, в особенности заметная в Ливии. В то время, как в сирийском конфликте число погибших измеряется сотнями тысяч – от 200 до 500, по разным оценкам; в ливийском цифры намного меньше. Минимальные оценки, опирающиеся на данные о зафиксированных боевых потерях, говорят о 15-20 тыс. чел., из которых 10-15 тыс. приходится на операцию НАТО, максимальные же экспертные оценки дают цифру в 65 тыс. чел. с 2011 г. И это при существовании (по тем же оценкам) в стране порядка двух десятков миллионов огнестрельного оружия и при стоимости «калашникова» в 150 долл. США⁹.

Если сирийский конфликт и перекинулся на территорию Ирака, а ливийский дал импульс частичной дестабилизации Сахеля, то всё же в обоих случаях речь шла не просто о «переливании» (spill-over), но о соединении уже существующих конфликтных зон и – в случае с Сирией и Ираком – о взаимной катализации двух конфликтов.

В тех же случаях, когда таких зон не было, соседние государства оказались вполне устойчивы к появившимся угрозам. Алжир, Тунис, Египет, Ливан, Турция, Иордания, если и страдали от деятельности террористов, то она почти всегда была порождена внутренними причинами, а террористами оказывались местные уроженцы.

Тем не менее, страх перед возможным насилием, перекройкой карт, упразднением существующих государств повсюду в регионе стал основным фактором

⁸ Характерный пример – создание касс экономической взаимопомощи племенами и территориальными группами в 2010-е гг. Интервью с жителем Тобрука, 2017 г.

⁹ Интервью с бывшим бойцом бригад Мисураты, 2018 г.

общественно-политической жизни, определяющим поведение как политических элит, так и широких общественных слоев.

На самом деле ещё слишком мало знаем о страхе как о факторе политической жизни. Подобно многим другим категориям, которыми легко оперируют политики, политологи и политические философы, вроде насилия или доверия, считая их будто бы самоочевидными, страх лишь относительно недавно стал предметом специальной рефлексии. Известная работа К. Робина «Страх. История политической идеи» [17] может считаться здесь до определённой степени пионерской. Её автор, сосредотачиваясь, главным образом, на внутриамериканской повестке, определяет страх исключительно инструменталистски: «...он является политическим орудием, инструментом элитного правления или мятежного движения, созданного и поддерживаемого политическими лидерами и активистами, готовыми на нём заработать, либо потому, что страх помогает им достичь определённой политической цели, либо потому, что он отражает или поддерживает их моральные и политические убеждения, а то и по обоим причинам» [17, с. 29].

Такой вполне либеральный подход к страху закономерен, но не единственно возможен. Так, Л. Гудков в своё время отмечал, что при исследовании общественных страхов речь не идёт об изучении аффектов как таковых, но лишь «о способах массовой квалификации определённых состояний общественных отношений, типов взаимодействия с другими..., а значит — об интерпретации и объяснении взаимодействия индивида с этими структурами» [5, с. 47].

Аргументом против инструменталистского подхода служит и то соображение, что если какие-то общественные силы используют страх в своих интересах, это вовсе не означает, что они же его и порождают и что сами они не становятся его носителями.

В случае с Ближним Востоком очевидно, что зачастую страх, как и информационные потоки, служащие своеобразными артериями, по которым он распространяется, создаются за пределами региона и, как правило, вовсе не регион является их основным потребителем. Замечание, сделанное некогда В.В. Наумкиным о политике американских неоконсерваторов, остаётся в значительной степени верным и поныне, причём может быть отнесено сегодня далеко не только к неоконам: «Конструирование образа исламского врага шло в русле именно идеологического размежевания. При этом... ставился знак равенства между исламским и ближневосточным миром... Для неоконсервативной революции в Америке проблема стран Ближнего Востока стала одним из главных идеационных и мобилизирующих инструментов. Появилась тенденция относиться к региону Ближнего Востока и Центральной Азии как к ареалу этнического и религиозного «беспорядка» (позднее она получила развитие в концепции Большого Ближнего Востока)» [14].

Каков бы ни был источник страха, овладевшего регионом, последствия его экспансии крайне противоречивы.

В странах с нестабильными политическими системами неуверенность в завтрашнем дне не позволяет участникам политического процесса выстраивать долгосрочные стратегии развития, способствует когда политическому эгоизму, а когда и конъюнктурности поведения лидеров, препятствуя формированию «хорошего управления» и устойчивых господствующих коалиций по Д. Нортю. Очевидно, что это относится, прежде всего, к государствам левантийско-иракской модели, страдающим от конфликтов больше, чем остальные.

В других случаях, прежде всего, в Египте эта же неуверенность становится важным фактором формирования общественного договора, при котором общество оказывается готовым на определённые ограничения в обмен на жёсткие меры со стороны правительства по укреплению национальной безопасности и политического режима. Хорошим примером этого стали законодательные ограничения деятельности НПО, принятые в последние годы. Вообще, Египет служит хорошим примером инструментализации страха, описанной К. Робинсом.

Однако иногда указанная неуверенность может стимулировать реформы, подталкивая элиты к выстраиванию более адекватной системы отношений между властью и обществом, свидетельством чего становятся процессы развития гражданского общества и демократических институтов или же форсированные реформы сверху, пример чего даёт Саудовская Аравия. В конечном счёте, появление «Видения 2030» и комплексные реформы, предпринятые Мухаммедом бен Салманом также стали порождением страха: «70% населения Саудовской Аравии младше 30 лет. Мы не хотим потерять ещё 30 лет из-за экстремистских идей. Мы уничтожим их сегодня», – заявил принц на форуме иностранных инвесторов в октябре 2017 г.¹⁰

Другим драйвером перемен можно считать затяжной экономический кризис, вызванный не только структурными проблемами экономик региона и политической ситуацией, но и глобальными трендами, а также резким ухудшением имиджа Ближнего Востока в глазах внерегиональных игроков.

В странах, охваченных вооружёнными конфликтами, произошло, если и не полное разрушение национальных экономик, то их существенное ослабление, а некоторые районы, оказавшиеся вне контроля центральных правительств, оказались благоприятной почвой для развития неформальных экономик, в том числе и откровенно криминального характера. Помимо неконтролируемой трансграничной торговли или контрабанды, издревле процветавших как на сирийско-иракской границе, так и на бескрайних просторах Сахары, стали активно развиваться контрабанда нефти и нефтепродуктов, торговля антиквариатом, рэкет и т.п. Безопасность, равно как и элементарные части социальной инфраструктуры (электро- и водоснабжение, здравоохранение и т.п.) стали предметами стихийного экономического обмена. Контроль над ними обеспечи-

¹⁰ Саудовская Аравия намерена прийти к умеренному исламу. 24.10.2017. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4673362/>. Access: 14.10.2018.

вал политическую власть многочисленным негосударственным вооружённым акторам¹¹.

Если в Сирии Дамаск остался основным распределителем экономических благ, то в Ливии Триполи этой функции лишился. Создание альтернативного Центробанка на востоке страны и второго эмиссионного центра свидетельствовало о полной фрагментации некогда единого финансового пространства, что привело к параличу банковской системы и огромному дефициту ликвидности во всей стране [2, с. 20-23].

В других странах региона, таких как Тунис и Египет, неспособность правительств справиться с экономическим кризисом, продолжающимся с 2011 г., ведёт к противоположенным последствиям.

В случае с Тунисом – к дополнительному ослаблению центральной власти, лишавшейся значительной доли легитимности в глазах общества, к снижению доверия к демократическим институтам и политическим партиям и, в соответствии со специфической местной традицией, к дополнительному укреплению институтов гражданского общества, прежде всего, профсоюзов. Стремление последних сохранить политическое влияние заставляет их руководство поддерживать любые антиправительственные выступления граждан, что, в свою очередь, ещё более отдаляет страну от решения экономических проблем.

В муниципальных выборах 2018 г. – первых выборах такого рода после 2011 г. – приняло участие всего чуть более 35% избирателей (в некоторых муниципалитетах – менее 20%), более 30% голосов получили списки независимых кандидатов, зачастую сформированные на базе НПО, почти 30% – списки формально оппозиционной партии «ан-Нахда». Правящая партия «Нидаа» Тунис завоевала менее четверти голосов¹². Таким образом, при высоком абсентеизме более двух третей избирателей продемонстрировали недоверие правящей власти, которая в результате почувствовала себя ещё менее способной проводить непопулярные экономические реформы. А учитывая, что на следующий год в стране должны проходить выборы в высшие органы государственной власти, вряд ли можно ожидать, что укрепившая свои позиции «ан-Нахда» станет помогать правительству в этом неблагодарном деле.

Так складывается порочный круг бесконечного кризиса.

В Египте, где государство не уступило инициативу гражданским организациям или оппозиции, экономический кризис служит дополнительным оправ-

¹¹ Летом 2018 г. власть в Триполи (Ливия), например, принадлежала шести вооружённым группировкам (милициям), находившимся в сложных взаимоотношениях с центральным правительством. Эти группировки не только контролировали город и занимались рэкетом, но и обеспечивали общественную безопасность, создавая иногда для этого специальные механизмы (отделы по разрешению конфликтов между жителями, полицию нравов и т.п.). Такие объекты как аэропорт, городская тюрьма, оптовые склады, овощной рынок и т.п. при этом обрели особую ценность, и борьба за контроль над ними периодически оборачивалась вооружёнными столкновениями. В то же время в небольших городках группировки могли сражаться за контроль над городской электростанцией – победители каждый раз требовали с населения денег за подачу электричества. Полевые исследования автора, август 2018 г.

¹² Chaabane M. Tunisie : Résultats définitifs des élections municipales. Tunis Webdo. 13.06.2018. [Электронный ресурс] URL : <http://www.webdo.tn/2018/06/13/tunisie-resultats-definitifs-des-elections-municipales/>. (Дата обращения: 14.10.2018).

данием укреплению авторитаризма, происходящему на фоне патриотической консолидации общества.

Наконец, экономические проблемы затронули и считающиеся самыми благополучными страны региона – монархии Залива, более других пострадавшие от снижения мировых цен на углеводороды. Впервые за несколько десятилетий в 2016 г. Саудовская Аравия сформировала дефицитный бюджет. В совокупности с обострением борьбы за лидерство на Ближнем Востоке и втягиванием монархий Залива в целый ряд конфликтов и прокси-войн, это привело к росту напряжённости внутри Залива, что ярче всего проявилось в ситуации в Йемене.

Сложный внутривнутриполитический конфликт в этой стране быстро превратился в региональный с высокой степенью вовлеченности ССАГПЗ и не очень понятной – Ирана. Спустя некоторое время эта линия противостояния была дополнена борьбой остальных членов ССАГПЗ против Катара, а затем – тихим противоборством Эр-Рияда с Абу-Даби, делающих ставки на разные силы в южном Йемене.

Тренды развития региона

Страх и экономические кризисы, по-разному сказываясь на государствах различных политических моделей, вели к формированию подчас противоречивых трендов развития региона, в каждом из которых сочетаются сложным образом элементы архаики и модерны.

Наиболее очевидным проявлением модернизации, на первый взгляд, может считаться *расширение* в большинстве стран региона *демократических процедур*, и прежде всего, электоральных.

В разных странах функциональная роль избирательных процедур была разной – где-то речь шла о реформах, принятых в ответ на вызовы начала 2010-х гг., где-то – о кардинальном переустройстве систем в постреволюционный период, а где-то – о выборах в условиях вооружённого конфликта.

Для стран североафриканской модели – Алжира, Туниса, Египта, а также для близких к ним Марокко и отчасти Иордании – выборы оказываются в последние годы важным (хотя подчас и символическим) элементом политической жизни. Электоральные кампании характеризуются низким уровнем насилия и широким использованием (обычно со стороны центральной власти) страха насилия (терроризма, исламизма, дестабилизации, внешней угрозы и т.п.). Для большинства государств этой группы позиционирование в международном пространстве остаётся очень важным – отсюда стремление к внешнему соблюдению правил игры. При этом в таких странах как Тунис, отчасти Алжир и Марокко выборы действительно становятся инструментом расширения господствующей коалиции и кооптации новых элитных групп.

В Марокко, Алжире, отреагировавших на протестность 2011 г. серией реформ, власти демонстрировали стремление минимизировать возможности

фальсификаций и расширить представительство, не лишившись контроля над политическим процессом как таковым. В результате допуск к власти в Марокко умеренно исламистской партии в 2011 г., равно как и новый закон о выборах, принятый в Алжире в 2012 г., ни на йоту не пошатнули положения элит. Характерно, что в алжирском законе предписывалось использование прозрачных урн для голосования и допуск наблюдателей на участки, однако сам контроль над процедурой внятно описан не был, а на деле оставался в ведении исполнительной власти.

Несколько специфический случай представляет в этой группе Египет. Террористическая угроза («Бейт аль-Макдис» на Синае и др. группировки) дала возможность действующему президенту консолидировать электорат, сведя к минимуму конкурентность всего процесса, однако позволив не допустить дестабилизации в условиях высокой социальной напряжённости, вызванной сохраняющимся экономическим кризисом. Подобную тактику можно было наблюдать и в Алжире, где всё же помимо террористической угрозы аргументом в пользу тяжело больного А. Бутефлики в 2014 г. был его чрезвычайно успешный опыт правления предыдущих лет.

Однако египетские выборы 2018 г. выделяются на региональном фоне степенью целенаправленного обесмысливания демократической процедуры. В ситуации, когда А. ас-Сиси имел полное право баллотироваться на второй срок, выборы прошли на беспрецедентно безальтернативной основе (второй кандидат – Муса Муса – до того, как зарегистрироваться, собирал подписи за ас-Сиси), а превращение голосования из права в обязанность граждан (штраф за неявку на участок составлял около 30 долл. США) не позволяет рассматривать их даже как референдум о доверии.

В совокупности с жёсткими репрессивными мерами, предпринятыми властью в последние годы произошедшее может интерпретироваться как шаг в сторону отхода от североафриканской модели развития в сторону аравийско-ливийской с заимствованием элементов политической культуры соответствующих государств.

Таким образом изначально модернизационный институт в египетском случае стал инструментом архаизации.

Противоположный египетскому пример даёт Тунис, в 2011-2013 гг. развивавшийся по схожей с Египтом модели. Здесь электоральные процессы, напротив, становятся довольно самостоятельным фактором политической жизни, превращаясь в ключевой инструмент политического соперничества. При всей тревоге, порождённой уже упоминавшийся электоральной кампанией 2018 г., превращение муниципальных выборов в основное поле мирного соперничества между различными политическими силами свидетельствует всё же об успешном развитии, пусть и всё ещё очень хрупкой политической системы.

В странах аравийско-ливийской модели развития значимость электорального процесса меньше, чем в предыдущей группе государств (за исклю-

чением Египта), однако и здесь в последние годы она возросла, хотя и везде по-разному.

Бахрейн и Кувейт, и без того стоящие наособицу в этой группе, подверглись воздействию выделенных трансформационных факторов в большей степени, нежели другие входящие в неё государства. В результате в этих двух странах выборы стали настоящим полем сражения между суннитскими монархами и отчасти шиитской, отчасти просто либеральной оппозицией.

В результате периодических роспусков парламента в Кувейте выборы проходили в 2012, 2013 и 2016 гг., причём в 2012 г. победу на них одержала оппозиция. В противостоянии народных избранников с эмиром стороны подавали друг на друга жалобы в Конституционный суд, решения которого не всегда были однозначно в пользу эмира.

В Бахрейне электоральный процесс лишь в незначительной степени отражал напряжённые отношения между правительством и шиитской оппозицией, в ходе которого массовые акции протеста с угрозами свержения монархии сталкивались с жёсткими репрессиями, арестами политических лидеров и запретами на политическую деятельность. Характерно, что суннито-шиитское противостояние, будучи перенесённым в электоральное поле, интерпретировалось участниками в соответствии с требованиями современного политического дискурса – либо как борьба демократической оппозиции против авторитарной власти, либо же как отстаивание последней национального суверенитета, угрозу которому исходит от всякого рода иностранных агентов.

При всём доминировании монархической власти в обоих случаях очевидна тенденция превращения выборов в инструмент переговоров между господствующей элитой и оппозиционными группами.

В других странах Залива электоральные процедуры хотя и расширились в последние годы, всё же ещё не играют столь значимой роли. Правда в Саудовской Аравии, где в 2011 г. в состав Консультативного совета были введены женщины, а в 2011 и в 2015 гг. впервые прошли муниципальные выборы (также с участием женщин), создавшие для населения первый канал легитимного политического участия на демократических основаниях.

Принципиально иную роль электоральные процедуры играют в принадлежащей к конфликтной подгруппе той же модели Ливии.

Как и в случае с Бахрейном и Кувейтом, сочетающих в себе черты аравийско-ливийской и левантийско-иракской моделей, выборы в Ливии служат средством легитимации политических акторов в современном политическом пространстве (в том числе, международном), с одной стороны, и формой политического торга – с другой. Проблема состоит в том, что в Ливии не существует реальной центральной власти, и соответственно торг здесь носит совсем иной характер, чем в Заливе.

После свержения М. Каддафи выборы в этой стране проходили дважды, причем в 2014 г. Палата представителей, обосновавшаяся затем в Тобруке, была

избрана менее, чем третью зарегистрированных избирателей (по официальным данным)¹³. При всей курьёзности подобной ситуации именно электоральная процедура стала источником легитимности этого центра политической силы. Через Палату представителей выборы косвенно легитимизировали и Ливийскую национальную армию (ЛНА) во главе с Халифой Хафтаром, которая иначе могла бы рассматриваться международным сообществом как всего лишь очередная вооружённая группировка, к тому же довольно рыхлая по структуре, состоящая из целого ряда полуавтономных вооружённых подразделений, зачастую консолидированных на племенной или земляческой основе.

Вопрос о выборах стал важным элементом программы урегулирования ливийского конфликта, предложенной Спецпредставителем ООН Гасаном Саламе на основании заключённых в 2015 г. Схиратских соглашений. Согласно плану Г. Саламе, президентские и парламентские выборы в стране должны пройти до конца 2018 г., причём их проведение может предшествовать принятию конституции, но должно предваряться Национальной конференцией, участниками которой станут все политические силы страны.

Учитывая специфику ливийского конфликта, в котором оппортунистические мотивы доминируют над идеологическими или экзистенциальными, указанная конференция и последующие выборы теоретически могли бы стать площадкой торга и нахождения необходимого консенсуса между основными центрами силы в стране – вероятно, в этом и состоит основная подоплека их проведения. Реализация такого плана в отсутствие каких-либо механизмов, которые могли бы гарантировать исполнение достигнутых договорённостей, однако, довольно сомнительна. Кроме того, вполне очевидно, что даже в случае успешного проведения выборов, их победители не смогут управлять страной в отсутствие необходимой инфраструктуры, единого экономического пространства и инструментария, необходимого для контроля над основными вооружёнными контингентами.

Ситуация конфликтности сближает Ливию с относящейся к ливантийско-иракской модели Сирией.

В рамках женеvского процесса политического урегулирования сирийского конфликта, выстроенного в соответствии с резолюцией №2254 СБ ООН, электоральная корзина – лишь третья из четырёх, и решение по ней должно теоретически следовать за решениями о переходных органах власти и конституции. Однако на сегодняшний день переговорный процесс по этим двум трекам зашёл в тупик. Вопрос о переходных органах власти тесно связан с проблемой будущего Б. Асада и его соратников, сегодня не чувствующих никакой необходимости идти на компромиссы с оппозицией. Принятие же новой конституции требует

¹³ Elumami A., Al-Warfalli A. Poor turnout in Libyan parliament vote as prominent lawyer killed. Reuters. 26.06.2014. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/us-libya-election/poor-turnout-in-libyan-parliament-vote-as-prominent-lawyer-killed-idUSKBN0F000720140626>. (Дата обращения: 14.10.2018). В некоторых городах выборы вообще не проходили (Дерна). По неофициальным данным в стране работало всего около 16 % участков для голосования. Интервью с представителем миссии ООН по Ливии, 2017 г.

достижения целого ряда консенсусов: по названию Сирии, её территориально-административному устройству, роли религии в политической системе и т.п. Некоторый успех, достигнутый в январе 2018 г. в Сочи, вскоре был минимизирован, и сегодня представители правительства частенько заявляют, что вовсе не видят необходимости менять конституцию страны.

Если допустить возможность проведения президентских выборов в нынешней ситуации и в соответствии с действующим законодательством, то, с большой вероятностью, победу на них одержит представитель правящего режима – просто в силу способности последнего консолидировать и мобилизовать свой электорат. В таком случае результаты не будут признаны противной стороной, что придаст новый импульс противостоянию и дискредитирует саму процедуру.

В ливийском и сирийском случаях обращает на себя внимание жёсткое увязывание мирного процесса и демократического транзита с необходимостью проведения выборов. Подобная тенденция, впрочем, обнаруживается и в других государствах, проходящих через период гражданского противостояния (не обязательно в форме вооружённого конфликта) – например, в Тунисе и Египте в начале 2010-х гг., в Ираке в 2000-е гг. и т.д. Мотивы такого увязывания понятны: электоральные процедуры – наиболее измеряемый и ощутимый элемент демократической системы, внедрение которого к тому же может предоставить универсальную легитимность правящей группе.

При этом нельзя не заметить, что чем больше в мировой практике проблема демократического строительства сводится к проведению выборов, тем больше электоральные процедуры утрачивают свою реальную значимость в этом процессе, что особенно опасно для обществ, переживающих конфликт – ведь в их глазах таким образом в принципе дискредитируется демократическая политическая система.

Если рассматривать другие страны левантийско-иракской модели – прежде всего, Ливан и Ирак, то в них избирательные процедуры играют довольно существенную роль, причём – особенно в случае с Ираком – несколько новую.

Электоральный процесс здесь – это вторичное средство перебалансировки элитных групп, каждая из которых консолидирована главным образом на этно-конфессиональной основе. И без того существующее соперничество (в том числе вооружённое) между группами переносится в электоральное поле, борьба в котором в результате становится особенно острой. Хрупкость системы, недоверие к соперникам, страх полного исключения из процесса распределения ренты в случае проигрыша, большой и разнообразный опыт политического насилия заставляют участников, с одной стороны, широко использовать инструменты насилия в предвыборной борьбе, а с другой, обращаться за поддержкой к внешним акторам, превращающих эти страны в поле соперничества друг с другом.

В целом расширение применения демократических процедур во всех проанализированных в настоящей статье моделях можно рассматривать как при-

знак продолжающейся и усложняющейся гибридизации политических систем. Это, однако, может расцениваться по-разному.

Манипуляция внешними элементами демократии без изменения сущностных основ власти может затруднить дальнейшее институциональное развитие, а в некоторых случаях и дискредитировать демократические процедуры в глазах общества. Кроме того, акцентирование внимания на электоральных процедурах, ради улучшения имиджа в глазах международного сообщества, может никак не соотносываться с внутренними ритмами социально-политической жизни, а само расширение этих процедур часто не подкрепляется необходимыми сопутствующими реформами.

Вместе с тем гибридизация систем в некоторых случаях расширяет окно возможностей для слабых акторов, одновременно повышая легитимность действующей власти. Она может способствовать стабилизации системы, кооптации новых элитных групп в правящую коалицию и становиться довольно эффективным форматом политического торга.

Если в государствах североафриканской модели такая гибридизация свидетельствует, в той или иной степени, о постепенной модернизации политической жизни, то в двух других случаях скорее становится способом поддержания традиционных способов межэлитного взаимодействия.

С расширением демократических процедур связан другой важный тренд развития политических систем – **укрепление гражданского общества**, происходящее в государствах всех трёх моделей развития, как в благополучных странах, так и в тех, что страдают от вооружённых конфликтов.

В целом оно осуществляется по одному из двух сценариев – «сверху вниз» или «снизу вверх».

В первом случае оно оказывается результатом политики правящей власти, пытающейся, с одной стороны, создать такие каналы участия, которые бы не создавали угроз существующему политическому режиму, а с другой – дали бы возможность этому режиму декларировать своё соответствие международным нормам.

Так, в относительно благополучных (реформистских) странах североафриканской и в гораздо меньшей степени аравийско-ливийской моделей оно становится результатом реформ, запущенных правительствами для ответа на вызовы десятилетия. В Марокко число неправительственных организаций с 2011 г. выросло почти в два с половиной раза, в Иордании, увеличилось в полтора раза, в Алжире хоть и не выросло столь сильно, всё же и до того было довольно велико [9, с. 17-18]. Во всех этих странах, избежавших массового насилия в 2010-е гг., создающиеся НПО позволяют вовлекать в гражданскую жизнь всё более широкие массы населения. И в этом плане не столь уж важно, пользуются ли они государственной поддержкой, как в Марокко или Алжире, или же получают внешнее финансирование.

Последнее, правда, грозит импортированием в соответствующие страны повестки, актуальной для стран-доноров. Последствия здесь неоднозначны: речь может идти, как о модернизации общественных отношений, так и о росте конфликтогенности. Подобный импорт зачатую рассматривается традиционными частями обществ как способ навязывания чуждой системы ценностей¹⁴, что объективно может вести, с одной стороны, к укреплению идентичности дискриминируемых групп, а с другой – к усилению их стигматизации.

Особенно остро этот вызов ощущается в странах, политические режимы которых чувствуют хрупкость поддерживаемого общественного консенсуса и, возможно, испытывают некоторый дефицит легитимности. Не случайно законы, ограничивающие иностранное финансирование НПО в последние годы принимались именно в Алжире¹⁵ и Египте¹⁶ – странах, где пользующиеся существенной общественной поддержкой исламистские силы (ИФС в одном случае и Братья-мусульмане в другом) оказались вытеснены за пределы легального общественно-политического пространства.

Что касается прямого или опосредованного государственного финансирования НПО, то связанные с ним трудности хорошо известны. До какой степени прямо контролируемые государством неправительственные организации – разнообразные советы по правам человека при главах государств, формально независимые мозговые центры и т.п. – являются структурами гражданского общества, а до какой – их имитациями, усиливающими и легитимизирующими дисциплинарные практики политического режима – старый предмет общественных дискуссий.

В практическом отношении наибольшая проблема сложившейся ситуации состоит в отсутствии третьей альтернативы – гражданские общества Ближнего Востока вынуждены практически всегда выбирать между зарубежным и государственным финансированием в силу сохраняющейся слабости и политической зависимости частного капитала.

Второй сценарий развития гражданского общества – «снизу вверх» – можно наблюдать в странах, всё ещё переживающих или недавно переживших ситуацию конфликта и ослабления государственности, где сама частичная дисфункциональность институтов вынуждает население к поиску новых форм самоорганизации.

Так, в Ливии ключевыми акторами мирного урегулирования под зонтиком миссии ООН должны стать многочисленные низовые общественно-политиче-

¹⁴ В качестве примера можно привести кампанию в марокканских социальных сетях *Кун раджуль* - «Будь мужчиной», активисты которой, среди прочего, призывают сограждан не позволять марокканкам носить отдельные купальники на пляже.

¹⁵ Loi #12-06 du 18 Safar 1433 correspondant au 12 janvier 2012 relative aux associations // Journal officiel de la Republique Algerienne #02. 21 saffar 1433/15 janvier 2012. P.28-34. [Электронный ресурс] URL: <http://www.joradp.dz/FTP/JO-FRANCAIS/2012/F2012002.pdf> (Дата обращения: 14.10.2018).

¹⁶ Канун ракм 70ли-сана 2017 би-исдар канун танзим 'амал ал-джама'ийат ва-гайриха мин ал-му'ассасат ал-'амила фи маджал ал-'амал ал-ахалий // Ал-Джарида ар-расмийа ал-'адад 30 мукаррар фи 24 май 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.almasyalyoum.com/news/details/1141060> (Дата обращения: 14.10.2018).

ские структуры, призванные стать участниками упоминавшейся ранее Национальной Конференции.

Её организация, по мысли руководителя миссии ООН Гасана Саламе, начинается с проведения локальных конференций по всей стране, встречах и переговорах с многочисленными городскими советами, муниципалитетами, «милициями» и племенами, то есть со всеми структурами, созданными ливийцами на местах для обеспечения повседневной жизни в условиях фактического отсутствия государства.

В Сирии новая гражданская активность связана с деятельностью организаций, действующих среди беженцев, с местными советами на территориях, подконтрольных оппозиции¹⁷, и в несколько меньшей степени с активностью различных структур на территориях, контролируемых Дамаском.

Как в ливийском, так и в сирийском случаях низовые структуры самоорганизации формируются, прежде всего, по территориальному признаку и в основном идеологически нейтральны, хотя и могут основываться на разных типах лояльности, в том числе племенной или этнической.

До какой степени этот тренд сохранится, сказать сложно. Очевидно, что, например, в Сирии, где, несмотря на вооружённый конфликт, правительство не только сохранило все основные институты исполнительной власти, но и продолжает расширять контролируемые территории, конфликт между ним и возникшими снизу институтами управления оказывается практически неизбежен.

Если исходить из опыта арабских стран, уже переживших ослабление государственности, то возможными кажутся два сценария.

Первый реализовывался в странах североафриканской модели, политические системы которых доказали свою резистентность – в Алжире и Египте. Этот сценарий, выше уже частично описанный, предполагает частичную кооптацию самостийно возникших элементов гражданского общества (или их представителей) в политическую систему, их участие в разделении ренты, жёсткое подавление других элементов и контроль над появлением новых форм общественной активности.

По другому пути ситуация развивалась в Тунисе и Ливане, где институты гражданского общества стали демонстрировать большую устойчивость и адаптивность к вызовам, нежели государственные, что ведёт к углубляющейся дискредитации последних в глазах не имеющего опыта демократического развития общества и к невозможности установления хорошего управления.

Как можно видеть, два выделенных нами драйвера трансформаций оказывают не меньшее влияние на развитие гражданских обществ, чем на электоральные процессы в рассматриваемых странах.

В одних странах (Тунис, Алжир) страх развала порядков ограниченного доступа заставляет господствующие коалиции создавать каналы обратной связи,

¹⁷ См. напр.: Local Councils in Syria A Sovereignty Crisis in Liberated Areas. MENAPOLIS. Policy paper, September 2013. [Электронный ресурс] URL: <https://menapolis.net/publications/files/1425551004pdf1SyriaLAC.pdf>. (Дата обращения: 15.10.2018).

расширяя сеть НПО, а ограниченность экономических ресурсов позволяет этим коалициям эту сеть эффективно контролировать.

В других странах (Ливия, Сирия) страх окончательной утраты порядка, стремление к безопасности и элементарному экономическому регулированию способствуют возникновению низовых гражданских структур в ситуации конфликта.

Если соотносить сценарии развития гражданского общества с предложенными ранее типологизациями арабских стран, то можно видеть, что сценарию развития «сверху вниз» соответствуют реформистские страны, «снизу вверх» – конфликтные и нейтральные. Революционная модель при может идти и по тому, и по другому пути.

В североафриканских государствах институты гражданского общества чаще формируются на общегражданской платформе, в странах левантийско-иракской модели они больше соответствуют этно-конфессиональному делению общества, а в аравийско-ливийских государствах – его племенной структуре.

Не случайно именно для двух последних групп стран особенно характерна активность так называемых негосударственных акторов, зачастую использующих партикуляристские идентичности и архаичные идеологии. Представляя интересы части населения, по тем или иным причинам считающей, что без такой поддержки она может быть ущемлена в правах, эти игроки сочетают в себе черты НПО и квазигосударственных образований, широко используют внешнюю помощь.

Архаичные элементы при этом во всех случаях оказываются способны играть роль фактора «стабилизации и повышения... легитимности» систем, способствуя, по словам В.В. Наумкина и В.Г. Барановского, эффективному обеспечению задач безопасности и развития в конкретных обществах [3, с. 11]. Соответственно, связь между процессами архаизации/модернизации систем и развитием социальных порядков оказывается совершенно неочевидной. Казалось бы, напрашивающееся утверждение о прямом соответствии между хрупкими ПОД и политической архаикой или, напротив, между модернизацией и зрелостью ПОД не соответствует действительности

Подводя итоги, необходимо ещё раз подчеркнуть, что несмотря на формальную общность основных трендов политического развития во всех странах региона, на практике в разных моделях они играют совершенно различную роль.

В государствах североафриканской модели, более склонных к поступательному расширению инклюзивности, страх перед будущим и сложности экономического развития ведут к реформам, способствующим укреплению естественных государств. В одних случаях этому способствует реальная демократизация (Тунис), в других – продолжающаяся гибридизация (Алжир, Марокко), в третьих же – напротив, свертывание и дискредитация демократических процедур и институтов (Египет). Рассуждения о бесперспективности египетского пути могут быть интересны в качестве интеллектуального упражнения, однако пока что

они не подтверждаются практикой. Зато вполне справедливым будет утверждение, что политическое развитие Египта вполне соответствует историческому опыту этой страны.

В странах левантийско-иракской модели формально модернизационные изменения на практике оборачиваются своей противоположностью, создавая дополнительные каналы для легитимизации архаичных институтов и процедур. Так, электоральная гонка становится средством состязания этно-конфессиональных общин, использующих возможности негосударственных вооруженных акторов, а институты гражданского общества зачастую маскируют традиционные социальные группы.

Наконец, в монархиях Аравийского полуострова выделенные тренды проявляются наименее отчетливо. В относящейся же к той же трансформационной модели Ливии они играют роль, схожую с их ролью в Леванте и Ираке. Принципиальное отличие состоит в сущностной разнице между базовыми социальными структурами двух моделей – этно-конфессиональными общностями и племенами. В последнем случае потенциал стабилизации на современных основаниях представляется большим. Это, между прочим, подтверждается опытом стран Центральной Азии, где страны кочевой культуры (Киргизия, Казахстан) показали большую мобильность и готовность к транзиту, чем осёдлые Таджикистан и Узбекистан.

Список литературы:

1. Ахмедов В.М. Сирия // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? М.: ИВ РАН, 2012. 595 с.
2. Бабенкова С.Ю. Финансовая система Ливии как отражение политической жизни страны // Ученые записки Российской академии предпринимательства. Научно-практическое издание. 2018. Т. 17. № 1. С. 17-26.
3. Барановский В., Наумкин В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 3. Т. 62. С. 5-19. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19
4. Гудков Л. Страх как рамка понимания происходящего // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. №6. С.46-53.
5. Демченко А.В. Иордания // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? М.: ИВ РАН, 2012. 595 с.
6. Долгов Б.В. Исламистский вызов и алжирское общество (1970-2004 гг.). М.: ИИИиБВ, 2004. 274 с.
7. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2013. 560 с.
8. Звягельская И.Д. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке – невыносимая хрупкость бытия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10 (2). С. 97-109.
9. Кузнецов В.А. Проблема укрепления государственности на Ближнем Востоке в свете теории социальных порядков // Восток (Oriens). 2018. №3. С.6-24.
10. Ланда Р.Г. История Иордании XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. 248 с.
11. Мелкумян Е.С. История государств Арабского залива (Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман) в XX - начале XXI в. М.: Ин-т востоковедения, 2016. 430 с.
12. Мохова И.М. Марокко // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?: сб. ст. /отв. ред.: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012. 595 с.
13. Наумкин В.В. Цивилизации и кризис наций-государств // Россия в глобальной политике. 2014. №1. С.41-59.
14. Наумкин В.В. Фехтование цивилизаций //

- Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. № 5. С. 173-184.
15. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара, 2011. 480 с.
 16. Орлов В.В. Марокко на фоне "арабских революций": факторы устойчивости власти // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы: материалы конференции "круглого стола" / отв. ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. М.: Книжный дом "Либроком"/URSS, 2012. 128 с.
 17. Робин К. Страх. Страх. История политической идеи. М.: Прогресс-традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007. 368 с.
 18. Сапронова М.А. Постреволюционные конституции и институты власти арабских стран (на примере Египта, Марокко и Туниса) // Политическая наука. 2012. №3. С. 179-198.
 19. Arab Human Development in the Twenty-First Century. The Primacy of Empowerment. Ed. by Korany B. Cairo: The American University in Cairo Press, 2014. 416 p.
 20. Arab Society. Class, Gender, Power, and Development. Ed. by Hopkins N.S., Ibrahim S.E. 3d ed. Cairo: American University in Cairo Press, 2006. 340 p.
 21. Baczko A., Dorronsoro G. Quesnay A.. *Civil War in Syria: Mobilization and Competing Social Orders* (Problems of International Politics). Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 322 p.
 22. Bar Sh. Bashar's Syria: The Regime and its Strategic Worldview // *Comparative Strategy*. 2006. Vol. 25. No. 5. Pp. 353-445.
 23. Barari H.A. The Limits of Political Reform in Jordan. The Role of External Actors. Friedrich Ebert Stiftung. December 2013. 11 p.
 24. Beinlin J., Lockman Z. Workers on the Nile: nationalism, communism, Islam, and the Egyptian working class, 1882 - 1954. Cairo: The American University in Cairo Press, 1998. 488 p.
 25. Blaydes L. State Building in the Middle East // *Annual Review of Political Science*. 2017. Vol. 20. Pp. 487-504.
 26. Cammett, M. A Political Economy of the Middle East. New York: Routledge. 2018. 618 p.
 27. Choucair J. Illusive Reform. Jordan's Stubborn Stability // *Carnegie Papers*. 2006. No. 76. 28 p.
 28. Moussaoui A. De la violence en Algérie: les lois du chaos. Arles : Actes Sude, 2006. 447 p.
 29. Mundy J. Imaginative Geographies of Algerian Violence. Conflict Science, Conflict Management, Antipolitics. Stanford, California: Stanford University Press, 2015. 280 p.
 30. Sartori G. Parties and Party Systems. A Framework for Analysis. Colchester: ECPR Press, 2005. 368 p.
 31. Volpi F. Algeria's Pseudo-Democratic Politics: Lessons for Democratization in the Middle East // *Democratization*. 2006. Vol.13. No. 3. Pp. 442-455.
 32. Zinecker H. Regime-Hybridity in Developing Countries: Achievements and Limitations on New Research on Transitions // *International Studies Review*. 2009. No. 11. Pp. 302-331.

Об авторе:

Василий Александрович Кузнецов – к.и.н., заведующий Центром арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.
E-mail: vasiakuznets@yandex.ru.

Статья подготовлена в рамках работы по проекту РНФ № 17-18-01614 «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях региональных и глобальных угроз».

PARADOXES OF ARAB POLITICAL SYSTEMS CHANGES

V.A. Kusnetsov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-5-62-23-48

Institute of Oriental Studies under the Russian Academy of Sciences

Abstract: This article explores the antinomies of development of different Arab political systems, drawing on the theory of social order by D. North, J. Wallis and B. Weingast. The author analyses all Arab countries as "orders of limited access", mature or fragile. This approach enables the author to follow the rationale of political development in fragile and failed states, as well as the logic of how political relations form in quasi-states, without raising the question of statehood as such. However, the level of generalization inherent in the theory of social order impedes an analysis of the diverse political reality as we encounter in the Middle East. Therefore, the author (enhances the theoretical framework), identifying three models of political transformation in the Arab world: the Levant-Iraqi, North African and Gulf-Libyan models. Each of these models is organized in its own way, not only in socio-political terms, but also has been developing according to its own logic over the past several decades. In 2010 and 2011, all Arab states were faced with the same, well-known set of challenges and threats. And though responses to these differed case by case and were predetermined by the belonging of a particular system to a particular transformational model, the result was the same: the emergence of drivers of future change, applicable to the entire region. From the author's perspective, these drivers have included: first, a kind of «future phobia», which drives the political behavior of both masses and elites; and second, economic crisis, with which most governments of the region have struggled. At first glance, the political transformations occurring as a result of these drivers appear similar. Democratic procedures, electoral processes and the role of civil society appear to have strengthened and play an increasingly prominent role. The paradox is that, in practice, the above-described regional trends can entail very different social-political consequences, presaging modernization in some places, while driving the archaization of the state in others, depending on which model the respective state belongs to. At the same time, these processes of modernization and archaization stand in a complex relationship with the processes of strengthening / weakening of "orders of limited access": while, tactically, the majority of conscious actions taken by elites is aimed at strengthening "orders of limited access", in the long run, such actions can raise risks and weaken political systems.

Key words: Arab political systems, electoral processes in MENA region, democratization of the Arab world, non-state actors in MENA, modern and archaic in the Middle East

References

1. Akhmedov V.M. *Siriya [Syria]. Blizhniy Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiya: chto dalshe?* [Middle East, Arab Awakening, and Russia: What's Next?]. Moscow, IV RAN Publ., 2012. 595 p. (In Russian)
2. Babenkova S.Yu. *Finansovaya sistema Livii kak otrazhenie politicheskoy zhizni strany [Libya's financial system as a reflection of the political life of the country]. Uchenye zapiski Rossiyskoy akademii predprinimatelstva. Nauchno-prakticheskoe izdanie*, 2018, vol. 17, no. 1, pp. 17-26. (In Russian)
3. Baranovskiy V., Naumkin V. *Blizhniy Vostok v menyayushchemsya globalnom kontekste: klyuchevye trendy stoletnego razvitiya [The Middle East in a changing global context: key trends in centenary development]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, no. 3, vol. 62, pp. 5-19. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19 (In Russian)
4. Demchenko A.V. *Iordaniya [Jordan]. Blizhniy Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiya: chto dalshe?* [Middle East, Arab Awakening, and Russia: What's Next?]. Moscow, IV RAN Publ., 2012. 595 p. (In Russian)
5. Dolgov B.V. *Islamistskiy vyzov i alzhirskoe obshchestvo (1970-2004 gg.) [The Islamist Challenge and the Algerian Society (1970–2004)].* Moscow, IIIiBV Publ., 2004. 274 p. (In Russian)

6. Dyuverzhe M. *Politicheskie partii* [Political parties]. Moscow, Akademicheskii proekt, Gaudeamus Publ., 2013. 560 p. (In Russian)
7. Gudkov L. Strah kak ramka ponimaniya proiskhodyashchego // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. 1999, №6. P.46-53.
8. Zvyagelskaya I.D. Suverenitet i gosudarstvennost na Blizhnem Vostoke – nevnosimaya khрупkost bytiya [Sovereignty and statehood in the Middle East - intolerable fragility of life]. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 2017, no. 10 (2), pp. 97-109. (In Russian)
9. Kuznetsov V.A. Problema ukrepleniya gosudarstvennosti na blizhnem vostoke v svete teorii sotsialnykh poryadkov [The problem of strengthening statehood in the Middle East in the light of the theory of social order]. *Vostok – Oriens*, 2018, no. 3, pp. 6-24. (In Russian)
10. Landa R.G. *Istoriya Iordanii XX vek* [History of Jordan the twentieth century]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, 2016. 248 p. (In Russian)
11. Melkumyan Ye.S. *Istoriya gosudarstv Arabskogo zaliva (Bakhreyn, Katar, Kuveyt, Obedinennye Arabskie Emiraty, Oman) v XX - nachale XXI v.* [History of the Arab Gulf States (Bahrain, Qatar, Kuwait, United Arab Emirates, Oman) in the 20th and early 21st centuries]. Moscow, In-t vostokovedeniya Publ., 2016. 430 p. (In Russian)
12. Mokhova I.M. Marokko [Morocco]. *Blizhniy Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiya: chto dalshe?* [Middle East, Arab Awakening, and Russia: What's Next?]. Ed. by V.V. Naumkin, V.V. Popov, V.A. Kuznetsov. Moscow, IV RAN Publ., 2012. 595 p. (In Russian)
13. Naumkin V.V. Tsivilizatsii i krizis natsiy-gosudarstv [Civilizations and the crisis of nation-states]. *Rossiya v globalnoy politike*, 2014, no. 1, pp. 41-59. (In Russian)
14. Naumkin V.V. Fekhtovanie tsivilizatsiy [Fencing of civilizations]. *Rossiya v globalnoy politike*, 2007, vol. 5, no. 5, pp. 173-184. (In Russian)
15. Nort D., Uollis Dzh., Vayngast B. *Nasilie i sotsialnye poryadki. Kontseptualnye ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva* [Violence and social order. Conceptual framework for interpreting the written history of mankind]. Moscow, Institut Gaydara Publ., 2011. 480 p. (In Russian)
16. Orlov V.V. Marokko na fone "arabskikh revolyutsiy": faktory ustoychivosti vlasti [Morocco against the background of "Arab revolutions": factors of the stability of power]. *Protestnye dvizheniya v arabskikh stranakh: predposylki, osobennosti, perspektivy* [Protest movements in Arab countries: background, features, prospects]. Ed. by I. V. Sledzevskiy, A. D. Savateev. Moscow, Knizhnyy dom "Librokom"/URSS Publ., 2012. 128 p. (In Russian)
17. Robin K. *Strakh. Strakh. Istoriya politicheskoy idei* [Fear. Fear. The history of political ideas]. Moscow, Progress-traditsiya; Territoriya budushchego Publ., 2007. 368 p. (In Russian)
18. Saponova M.A. Postrevolyutsionnye konstitutsii i instituty vlasti arabskikh stran (na primere Yegipta, Marokko i Tunisa) [Post-revolutionary constitutions and institutions of power of the Arab countries (on the example of Egypt, Morocco and Tunisia)]. *Politicheskaya nauka*, 2012, no. 3, pp. 179-198. (In Russian)
19. *Arab Human Development in the Twenty-First Century. The Primacy of Empowerment*. Ed. by Korany B. Cairo: The American University in Cairo Press, 2014. 416 p.
20. *Arab Society. Class, Gender, Power, and Development*. Ed. by Hopkins N.S., Ibrahim S.E. 3d ed. Cairo, American University in Cairo Press, 2006. 340 p.
21. Baczko A., Dorronsoro G., Quesnay A.. *Civil War in Syria: Mobilization and Competing Social Orders* (Problems of International Politics). Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 322 p.
22. Bar Sh. Bashar's Syria: The Regime and its Strategic Worldview. *Comparative Strategy*, 2006, vol. 25, no. 5, pp. 353-445.
23. Barari H.A. The Limits of Political Reform in Jordan. The Role of External Actors. Friedrich Ebert Stiftung. December 2013. 11 p.

24. Beinin J., Lockman Z. *Workers on the Nile: nationalism, communism, Islam, and the Egyptian working class, 1882 - 1954*. Cairo, The American University in Cairo Press Publ., 1998. 488 p.
25. Blaydes L. State Building in the Middle East // *Annual Review of Political Science*. 2017. Vol. 20. Pp. 487-504.
26. Cammett, M. *A Political Economy of the Middle East*. New York: Routledge. 2018. 618 p.
27. Choucair J. Illusive Reform. Jordan's Stubborn Stability. *Carnegie Papers*. 2006. No. 76. 28 p.
28. Moussaoui A. *De la violence en Algérie: les lois du chaos*. Arles, Actes Sude Publ., 2006. 447 p.
29. Mundy J. Imaginative Geographies of Algerian Violence. *Conflict Science, Conflict Management, Antipolitics*. Stanford, California: Stanford University Press, 2015. 280 p.
30. Sartori G. *Parties and Party Systems. A Framework for Analysis*. Colchester, ECPR Press, 2005. 368 p.
31. Volpi F. Algeria's Pseudo-Democratic Politics: Lessons for Democratization in the Middle East. *Democratization*, 2006, vol.13, no. 3, pp. 442-455.
32. Zinecker H. Regime-Hybridity in Developing Countries: Achievements and Limitations on New Research on Transitions. *International Studies Review*, 2009, no. 11, pp. 302-331.

About the author:

Vasily A. Kusnetsov – PhD in Historical Sciences, Head of the Center for Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies under the Russian Academy of Sciences, 107031, Moscow, 12 Rozhdestvenka St. E-mail: vasiakuznets@yandex.ru.

The article is financially supported by the Russian Science Foundation, project № 17-18-01614 «Problems and Prospects of the International Political Transformation of the Middle East in the Context of Regional and Global Threats».